

Кіевская Академія въ гетманство Кирилла Григорьевича Разумовскаго (1750—1763 г. г.)¹⁾.

Кириллъ Григорьевичъ Разумовскій, младшій братъ извѣстнаго фаворита императрицы Елизаветы Петровны Алексѣя Григорьевича Разумовскаго, былъ малороссійскимъ гетманомъ съ 1750 до 1764 года, во вторую половину царствованія Елизаветы Петровны и въ первые годы царствованія Екатерины II. Въ угоду брату его собственно и восстановлено было гетманство, остававшееся вакантнымъ съ 1734 года.

Но это восстановленное гетманство было уже не стараго покроя. Новый молодой гетманъ, хотя и былъ малороссъ по происхоженію и патриотъ по убѣжденіямъ, но въ то же время получилъ западно-европейское, довольно поверхностное образованіе и считался однимъ изъ видныхъ русскихъ вельможъ Елизаветинскаго царствованія, а слѣдовательно долженъ былъ стоять и на сторонѣ централизаціонныхъ стремленій русскаго правительства по отношенію къ Малороссіи. Не смотря на свою платоническую любовь къ Малороссіи, онъ неохотно поѣхалъ туда по назначенію въ гетманы и всѣми силами своей души стремился въ Петербургъ, въ заманчивую и

¹⁾ Статья составлена главнымъ образомъ на основаніи матеріаловъ, собранныхъ для изданія второго тома второй серіи „Актовъ и документовъ, относящихся къ исторіи Киевской Академіи“.

привычную для него придворную сферу. Понятно, онъ не могъ быть серьезнымъ реорганизаторомъ упавшей и искусственно возстановляемой гетманщины и руководился въ своемъ управленіи Малороссіей чужими мнѣніями и взглядами. А эти мнѣнія и взгляды опять-таки различны были между собою до противоположности. Съ одной стороны, менторомъ К. Г. Разумовскаго былъ Тепловъ, извѣстный своею запискою „О неурядкахъ въ Малороссіи“, въ которой онъ высказываетъ свое стремленіе къ упраздненію особенностей въ управленіи Малороссією и къ полному слиянію ея съ русскимъ государствомъ, а съ другой, новый гетманъ долженъ былъ сообразоваться съ мнѣніями и вождѣніями козацкой старины, для которой онъ былъ высшимъ начальникомъ и землякомъ. Эта двойственность въ направленіи мыслей, распоряженіяхъ и дѣйствіяхъ гетмана Разумовскаго сказывалась во все время его гетманства, но съ тою разницею, что въ началѣ своего гетманства К. Г. Разумовскій больше склонялся въ сторону централизационныхъ стремленій русскаго правительства въ отношеніи къ Малороссіи, тогда какъ въ послѣдніе годы своего гетманства онъ мечталъ о возстановленіи всѣхъ старинныхъ правъ Малороссіи и учрежденіи наслѣдственнаго гетманства въ своемъ потомствѣ¹⁾.

На первыхъ порахъ своего гетманства, графъ К. Г. Разумовскій является не столько гетманомъ, сколько полноправнымъ министромъ козацкихъ дѣлъ при Императорскомъ Дворѣ. Онъ не пожелалъ зависѣть отъ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ, отъ которой дотолѣ зависѣла Малороссія, и подчиненъ былъ Сенату²⁾, а вмѣстѣ съ тѣмъ получилъ право управлять не только свѣтскими, но и духовными ли-

¹⁾ Фактическія данныя см. въ книгѣ „Семейство Разумовскихъ“ А. А. Васильчикова, т. I, С.-Петербургъ, 1880 г.

²⁾ См. Высочайшій указъ 17 января 1756 г. въ „Полномъ собраніи Законовъ Росс. Имперіи“, т. XIV, № 10,498, стр. 504—5.

цами въ Малороссіи ¹⁾). Понятно, что такія полномочія должны были существенно коснуться и положенія духовенства вообще въ Малороссіи, и положенія Кіевской Академіи, становившейся все болѣе и болѣе епархіальнымъ учрежденіемъ.

Такія необычныя полномочія, данныя новому гетману, встревожили малорусское духовенство, его представителей и даже Св. Синодъ. Кіевскій митрополитъ Тимоѳей Щербацкій, производя въ 1751 году обзорѣніе своей епархіи, къ пріѣзду гетмана прибылъ въ его резиденцію Глуховъ познакомиться съ новымъ правителемъ Малороссіи: „посѣтилъ его поутру—не могъ видѣть, гетманъ еще опочивалъ; поѣхалъ вечеромъ—не засталъ дома, гетманъ поѣхалъ прогуливаться. Жители Глухова видѣли,—замѣчаетъ иронически нашъ историкъ С. Соловьевъ,—какъ преосвященный разѣзжалъ, добываясь понапрасну лицезрѣть сына Разумихи, великими заслугами достигшаго столь важнаго сана“ ²⁾). Св. Синодъ указомъ своимъ отъ 23 іюля 1751 года, имѣя въ виду, что новому гетману пожалована привиллегія правленія въ Малороссіи „какъ между духовными, такъ и свѣтскими лицами, но неизвѣстно, на какихъ правахъ и поведеніяхъ, предписалъ Малороссійскимъ епархіальнымъ архіереямъ доставить въ Синодъ грамоты и привиллегіи, данныя „на ихъ собственныя персоны и вольности, кромѣ вотчинъ“ ³⁾).

Опасенія малорусскаго духовенства и Св. Синода насчетъ гетмана Разумовскаго были не безъосновательны. Въ первый же годъ дѣйствительнаго вступленія своего въ гетманскую должность (1751 г.) К. Г. Разумовскій издалъ ордеръ, съ воспрещеніемъ малорусскому духовенству, по случаю недорода хлѣба въ Малороссіи, зашматься винокуреніемъ, ко

¹⁾ Указъ Св. Синода отъ 23 іюля 1751 г. въ архивъ Кіевской дух. Консисторіи, въ книгѣ указовъ 1745—1757 гг., съ реестромъ указовъ.

²⁾ „Исторія Россіи“, С. Соловьева, т. III, Москва, 1873 г., стр. 149.

³⁾ См. цитованный выше указъ Св. Синода отъ 23 іюля 1751 г.

торое, однако, не воспрещалось козакамъ и козацкой старшинѣ. Этотъ ордеръ повторенъ былъ въ 1757 и 1761 годахъ ¹⁾).

Повидимому, новый гетманъ имѣлъ претензію взять въ свои руки и избраніе кандидатовъ на праздыя архіерейскія кафедръ въ Малороссіи. По смерти Переяславскаго епископа Никодима Сребницкаго, гетманъ Разумовскій велѣлъ собраться въ Переяславлѣ представителямъ Переяславскаго полка и нѣкоторымъ духовнымъ лицамъ для избранія кандидатовъ на вдовствующую Переяславскую кафедру. Собраніе состоялось въ февралѣ 1752 года и избрало „в помянутый чинъ епископа Переясловскаго из иноковъ ученыхъ и благоговѣйныхъ трехъ кандидатовъ: 1) Великоновгородскаго Антонія—Римлянинова монастыря архимандрита и богословіи в семинаріи тамошней учителя Іоасафа Миткевича; 2) Александроневскаго монастыря намѣстника Софронія Кришталевскаго; 3) Михайловскаго Переясловскаго монастыря ігумена Германа Прохоровича“. Подписавъ своеручно это избраніе, избиратели вручили его особымъ делегатамъ для представленія гетману, о чемъ предувѣдомлялъ послѣдняго, отъ 25 февраля 1752 г., участвовавшій въ избраніи префектъ Кіевской Академіи іеромонахъ Георгій Конисскій ²⁾). Но ни одинъ изъ этихъ кандидатовъ не былъ утвержденъ въ Петербургѣ, и Переяславскимъ епископомъ въ 1753 году назначенъ былъ бывший ректоръ Московской Академіи Іоаннъ Козловичъ ³⁾).

Но если гетману Разумовскому не удалось распорядиться епископскими кафедрами въ Малороссіи, то онъ при

¹⁾ *Пункты Малороссійскаго духовенства 1768 г.* въ рукописи Кіево-Соф. собора, № 434, л. 190 и слѣд. Изд. въ 43-мъ томѣ „Сборника Императорскаго Русскаго Историч. Общества“, С. Петербургъ, 1885 г.

²⁾ „Палеографическій Изборникъ“, изд. Кіевскою Комиссією для разбора древнихъ актовъ, вып. I, Кіевъ, 1899 г., № 70.

³⁾ „Исторія Московской Славено-греко-латинской Академіи“, С. Смирнова, Москва, 1855 г., стр. 200.

всякомъ случаѣ старался ограничить права рядового малорусскаго духовенства, принизить его предъ казацкою старшиною и поставить въ зависимость отъ нея. Независимо отъ замашекъ русскаго вольнодумнаго вельможи, безъ сомнѣнія, онъ руководствовался при этомъ и вождѣльніями казацкой старшины, стремившейся къ ограниченію правъ малорусскаго духовенства въ свою пользу. Орденомъ отъ 7 апрѣля 1752 года гетманъ Разумовскій предписалъ писать въ ревизію статьями, „между другими разночинцами, и имѣющихъ грунта и дворы свои дьячковъ, паламарей, ктиторовъ и другихъ тому подобныхъ, не обходя и не минуя никого“. Въ 1755 году Кіевскій митрополитъ Тимофей Щербацкій, имѣя въ виду только-что вышедшій Высочайшій указъ о неопустительномъ укомплектованіи всѣхъ церквей въ Россійской Имперіи священно- и церковно-служителями, отношеніемъ отъ 5 декабря обратился къ генеральному обозному Семену Кочубею съ ходатайствомъ объ освобожденіи церковнослужителей Кіевской епархіи отъ записи въ ревизію и отъ общенародныхъ и владѣльческихъ повинностей, но получилъ рѣшительный отказъ. Горечь отказа увеличивалась тѣмъ, что Кіевскій митрополитъ, это первое и самое высшее по своему положенію духовное лицо въ Малороссіи, не смѣлъ или не имѣлъ права обращаться со своимъ ходатайствомъ къ самому гетману и получилъ отказъ отъ лица, второстепеннаго въ козацкой іерархіи, генеральнаго обознаго, и притомъ отказъ неосновательный. Свой отказъ обозный генеральный мотивировалъ тѣмъ, что въ Высочайшемъ указѣ объ укомплектованіи церквей священно и церковно-служителями не упоминается о церковно-служителяхъ, имѣющихъ за собою дворы и грунты, подлежащіе общенароднымъ повинностямъ, и что исполненіе просьбы митрополита „было бы отъменно предписанному Его Императорскому Высочайшему повелѣнію“ 1752 года.

Сущность дѣла, о которомъ шла переписка, состоитъ въ томъ, что церковно-служители и ктиторы въ Малороссіи прежде были наемные изъ другихъ сословій, козаковъ и крестьянъ, и освобождались отъ общенародныхъ и владѣльческихъ повинностей, если только назначаемы были на эти должности по увольнительнымъ на то свидѣтельствамъ полковой старшины или владѣльцевъ. По распоряженію же гетмана Разумовскаго, всѣ причетники и ктиторы, имѣвшіе дворы и грунты, записывались въ ревизію, подлежали общенароднымъ и владѣльческимъ повинностямъ и во всякое время могли быть отвлекаемы отъ исполненія своихъ обязанностей по церкви. Получивъ отказъ въ своемъ ходатайствѣ, митрополитъ Тимофей Щербаткій послалъ запросы по своей епархіи о томъ, при какихъ свѣтскихъ церквахъ имѣются дьячки, пономари и ктиторы, на какихъ земляхъ живутъ, не отвлекаются ли отъ обязанностей по церкви какою-либо стороннею работою, а также при какихъ церквахъ нѣтъ ктитора или кого-либо изъ причетниковъ, и почему ¹⁾. Чѣмъ кончилось это дѣло,—для насъ неизвѣстно.

Вскорѣ дошло дѣло и до ограниченія правъ и самихъ священно-служителей и ихъ дѣтей. Въ 1760 году ордеромъ своимъ гетманъ Разумовскій велѣлъ дѣтей протопопскихъ писать въ козаки значковые, а поповскихъ—въ выборные, чего въ Малороссіи никогда не бывало прежде ²⁾. Дотогѣ поповскіе сыновья вообще, безъ отличія отъ протопопскихъ, имѣли только право, а не обязанность, опредѣляться въ значковые товарищи ³⁾; но теперь это право относилось только къ протопопскимъ сыновьямъ, тогда какъ поповскіе могли

¹⁾ Указаны книги Киевской дух. Консисторіи за 1755 г., л. 319 и 320.

²⁾ Пункты малороссійскаго духовенства 1768 г., въ рукописи Киево-Соф. собора, № 434, л. 194 на обор.

³⁾ „Акты и документы, относящіеся къ исторіи Киевской Академіи“, серія вторая, т. I, ч. 1, Кіевъ, 1904 г., № IX, § II, стр. 81.

быть только выборными казаками, и притомъ оно, кажется, становилось обязанностію.

Если въ подобныхъ ограниченіяхъ правъ малорусскаго духовенства гетманъ Разумовскій руководился вождедѣніями козацкой старшины, то въ иныхъ случаяхъ его пренебрежительное отношеніе къ малорусскому духовенству шло даже наперекоръ желаніямъ козацкой старшины. Мы имѣемъ въ виду дѣло о новомъ пересмотрѣ „книгъ правныхъ“ для Малороссіи. Высочайшимъ указомъ 20 мая 1756 года повелѣно было гетману Разумовскому разсмотрѣть составленный въ 1743 году представителями разныхъ сословій малорусскаго общества сводъ правныхъ книгъ для Малороссіи, — „довольно ли по нынѣшнимъ обстоятельствамъ будетъ то, что въ немъ постановлено, и что въ немъ прибавить надлежитъ, и буде по разсмотрѣнію явится что-либо несходное съ нынѣшнимъ временемъ или что въ ономъ прибавить разсудится, о томъ представить въ Правительствующій Сенатъ“. Во исполненіе сего указа, гетманъ Разумовскій составилъ комиссію, но исключительно изъ генеральной старшины и представителей полковой старшины. Въ 1759 году членъ этой комиссіи духовныхъ лицъ, доложилъ объ этомъ гетману и очень резонно указалъ ему на необходимость призванія въ комиссію и духовныхъ лицъ, хотя бы по одному тому, что они уже ранѣе участвовали въ составленіи свода, да — наконецъ — и сами состоятъ подъ однимъ правомъ съ мірскими людьми. Представлялъ объ этомъ гетману и Кіево-Печерскій архимандритъ Лука. Но въ 1759 году духовныя особы все-таки не принимали участія въ дѣлахъ комиссіи. Въ виду заявленія архимандрита Луки, члены комиссіи вторично обратились къ гетману съ покорнѣйшимъ доношеніемъ объяснить имъ, какъ быть съ вопросомъ о духовенствѣ, — и опять комиссіи не получила прямого отвѣта на свой запросъ и вскоре была распущена гетманомъ¹⁾.

1) „Кіевская Старина“, октябрь, 1888 г., стр. 41 и 45—47.

Въ виду общаго приниженія духовнаго вѣдомства гетманомъ Разумовскимъ, нельзя было ожидать отъ него особеннаго благоволенія и къ Кіевской Академіи, все болѣе и болѣе становившейся епаріескимъ учрежденіемъ. Чтобы снискать это благоволеніе, кіевскій митрополитъ Тимофей Щербакскій въ первые два года по возстановленіи гетманства посылалъ къ новому гетману, для новогодняго поздравленія и сказанія проповѣдей при гетманѣ въ Рождественскіе праздники, префектовъ Кіевской Академіи. Въ концѣ 1751 года посланъ былъ къ гетману въ Глуховъ умный и тактичный Георгій Конисскій, который сказалъ въ присутствіи гетмана двѣ проповѣди, одну на новый годъ, а другую на Богоявленіе Господне, и получилъ отъ гетмана въ подарокъ 100 рублей; но преемникъ Георгія Конисскаго префектъ Давидъ Нанцинскій въ слѣдующемъ году говорилъ при гетманѣ только одну проповѣдь на Богоявленіе Господне и получилъ отъ гетмана въ подарокъ только 40 рублей¹⁾, т. е. сумму, едва достаточную для поѣздки въ Кіевъ и обратно. Съ тѣхъ поръ, кажется, подобныхъ поздравительныхъ депутацій не посылалось болѣе въ Глуховъ, и отношенія гетмана къ Кіево-Братскому монастырю и Академіи оставались письменныя, чисто формальныя, холодныя и даже недоброжелательныя.

Помѣщаясь въ Братскомъ монастырѣ и состоя отчасти на его изживеніи, Кіевская Академія понималась въ правительственныхъ сферахъ тѣ какъ монастырь, то какъ учебное заведеніе.

Какъ монастырская обитель, Кіево-Братскій монастырь въ гетманство Разумовскаго продолжалъ подвергаться, наравнѣ съ другими монастырями, дальнѣйшимъ ограниченіямъ въ своихъ правахъ. Надъ нимъ тяготѣло прежнее ограни-

¹⁾ „Кіевская Старина“, январь, 1890 г., стр. 118 и 119, и Архивъ Кіевской дух консисторіи, д. 1757 г., № 19.

чительное постановленіе 1728 года о неприобрѣтеніи монастырями недвижимыхъ имуществъ, вслѣдствіе чего и наличныя имѣнія Кіево-Братскаго монастыря расхищались все болѣе и болѣе. Даже контора графа А. Г. Разумовскаго, брата гетмана, около 1758 года незаконно приторговала у городничаго городского Которскаго имѣнія принадлежавшую Кіево-Братскому монастырю „паперню“, т. е. бумажную фабрику ¹⁾. Мы видѣли уже, что гетманъ Разумовскій постоянно ограничивалъ для духовенства и монастырей свободу винокуренія въ ихъ имѣніяхъ; а вслѣдствіе этого Кіево-Братскій монастырь долженъ былъ лишиться самой прибыльной статьи своихъ доходовъ ²⁾. 20 декабря 1753 года послѣдовалъ высочайшій указъ объ отмѣнѣ въ Малороссіи внутреннихъ мелочныхъ сборовъ съ нѣкоторыхъ промышленныхъ заведеній и перевозимыхъ товаровъ, а также *индукты* и *эвекты*, т. е. ввозныхъ и вывозныхъ пошлинъ, съ учрежденіемъ казенныхъ таможенъ въ опредѣленныхъ пограничныхъ мѣстахъ ³⁾. Вслѣдствіе этого указа, пограничныя имѣнія частныхъ владѣльцевъ и монастырей закрыты были для провозной торговли и лишились тѣхъ косвенныхъ доходовъ, какіе дотоѣ получались съ нихъ въ качествѣ мостовыхъ сборовъ съ проезжающихъ и отъ вольной продажи хлѣба и горѣлки. Въ числѣ такихъ имѣній были и пограничныя села Плисецкое и Мостица, принадлежавшія Кіево-Братскому монастырю ⁴⁾. Въ 1754 году Кіевскій митрополитъ Тимофей Щербацкій ходатайствовалъ передъ гет-

¹⁾ „Акты Кіево-Братскаго училищнаго монастыря и Академіи, собранные В. Аскоченскимъ, въ рукописи Кіевской дух. Академіи, № 0, л. 13, т. II, № 16, л. 295 и сл.

²⁾ О прибыльности этой статьи см. тамъ же.

³⁾ „Полное собраніе Законовъ Россійской Имперіи“, т. XIV, №№ 10,257 и 10,311.

⁴⁾ „Акты Кіево-Братскаго училищнаго монастыря и Академіи“, В. И. Аскоченскаго, т. II, № 16, л. 295 и сл.

маномъ о томъ, чтобы разрѣшенъ былъ свободный проѣздъ чрезъ пограничныя села и мѣстечки, принадлежавшія Кіево-Братскому училищному монастырю; но его ходатайство не увѣнчалось успѣхомъ¹⁾.

Какъ учебное заведеніе, Кіевская Академія продолжала получать пособие изъ войскового скарба по 200 руб. въ годъ; но и изъ этихъ денегъ, при выдачѣ ихъ, чиновники Войсковой Генеральной Канцеляріи открыто брали въ свою пользу взятки, прописывавшіяся даже въ официальныхъ документахъ. Въ февралѣ 1762 года іеродіаконъ Глуховскаго Петропавловскаго монастыря Теофилъ, получая, по довѣренности, эти деньги изъ Генеральной Войсковой Канцеляріи, израсходовалъ изъ нихъ пять рублей на подачки канцелярскимъ чиновникамъ, о чемъ письменно и сообщилъ Кіевской Академіи²⁾. О новыхъ субсидіяхъ Кіевской Академіи со стороны гетмана нечего было и думать. Въ 1754 году ректоръ Кіевской Академіи архимандритъ Манассія Максимовичъ просилъ Кіевского митрополита Тимофея Щербацкаго ходатайствовать передъ гетманомъ объ отпускѣ суммъ на неотложную починку Кіево-Братскихъ школъ. Митрополитъ велѣлъ заготовить отношеніе „съ надлежащимъ показаніемъ прежнихъ патроновъ, ясновельможныхъ пановъ гетмановъ“; но это ходатайство, по всей видимости, не было удовлетворено. Только въ 1761 году, вмѣстѣ съ ежегодною выдачею 200 рублей на Академію изъ войскового скарба, гетманъ прислалъ 100 рублей и на бурсу³⁾. О своемъ патронатствѣ надъ Кіевскою Академіею гетманъ Разумовскій вспомнилъ лишь въ своей знаменитой запискѣ 1763 года о восстанов-

¹⁾ Архивъ Кіевской дух. Консисторіи, л. 1754 г., № 342.

²⁾ „Акты Кіево-Братскаго училищнаго монастыря и Академіи“, В. Аскоченскаго, т. III, № 3, л. 20 и 21.

³⁾ „Кіевская Академія съ половины XVIII в. до преобразованія ея въ 1819 году“. В. Серебрянникова. Кіевъ, 1897 г., стр. 86—7.

леніи старинныхъ правъ Малороссіи и учрежденіи наслѣдственнаго гетманства въ его родѣ, поданной имъ новой императрицѣ Екатеринѣ II Въ этой запискѣ гетманъ Разумовскій съ войсковою старшиною проектировалъ учредить въ Малороссіи два университета и нѣсколько гимназій и на содержаніе ихъ положить на имѣнія духовнаго чина, сверхъ общенародныхъ податей, особый окладъ. Сама Кіевская Академія, по этой запискѣ, подлежала преобразованію въ университетъ изъ четырехъ факультетовъ, въ числѣ которыхъ значился и богословскій. Непремѣнными кураторами Кіевского университета проектировались: первымъ—гетманъ, а вторымъ—Кіевскій митрополитъ для богословскаго факультета¹⁾. Но эта записка положила конецъ самому гетманству Разумовскаго.

Ближайшими естественными покровителями Кіевской Академіи въ гетманство Разумовскаго были Кіевскіе митрополиты Тимоѳей Щербацкій до 1757 года и Арсеній Могилянскій съ 1758 года. Оба они пользовались, извѣстное время, особымъ расположеніемъ императрицы Елизаветы Петровны. Тимоѳей Щербацкій, бывшій въ молодости придворнымъ певчимъ, въ бытность свою архимандритомъ Кіево-Печерской лавры, въ 1744 году встрѣчалъ здѣсь императрицу привѣтственную рѣчку и предложилъ ей помѣщеніе въ своихъ покояхъ²⁾, а въ 1748 году хиротонисанъ въ митрополита Кіевского въ придворной Срѣтенской церкви³⁾. Арсеній же Могилянскій, быстро восходи по іерархической лѣстницѣ, въ 1744 году, на 33 мѣ году своей жизни, опредѣленъ былъ, по Высочайшему повелѣнію, архимандритомъ Троице-Сергіе-

¹⁾ „Кіевская Старина“, іюнь, 1883 г., стр. 330, 343—4, и январь, 1897 г., стр. 6 и 7.

²⁾ „Акты и документы, относящіеся къ исторіи Кіевской Академіи“, серия 2, т. 1, Кіевъ, 1904 г., ч. 1, стр. 335.

³⁾ Тамъ же, ч. 2, стр. 282.

вой лавры, членомъ Синода и архіепископомъ въ Переславскую епархію ¹⁾. Въ званіи члена Св. Синода, онъ нерѣдко передавалъ ему личныя повелѣнія Императрицы, иногда даже въ отмѣну указовъ Св. Синода, какъ, наприм., въ 1745 году о назначеніи архимандритомъ въ Нѣжинскій Благовѣщенскій монастырь соборнаго старца Кіево-Печерской лавры Владиміра, вмѣсто назначеннаго туда Синодомъ Архимандрита Сильвестра Ляскоронскаго ²⁾. Но въ 1752 году онъ неожиданно, яко-бы по болѣзни, уволенъ былъ отъ всѣхъ должностей и опредѣленъ на жительство въ Спасскій Новгородсѣверскій монастырь. Эта царская опала снята была съ него въ 1757 году назначеніемъ его въ санъ митрополита Кіевского ³⁾.

Оба эти митрополита различны были между собою по характеру и направленію своей архипастырской дѣятельности.

Митрополитъ Тимошей Щербацкій былъ настойчиваго, непреклоннаго характера, и хотя окончилъ полный курсъ ученія въ Кіевской Академіи ⁴⁾, но никогда не былъ преподавателемъ въ какомъ-либо учебномъ заведеніи, а постоянно вращался въ административныхъ сферахъ, то въ качествѣ каѳедральнаго писаря ⁵⁾, то члена консисторіи, то — наконецъ — архимандрита Кіево-Печерской лавры и Кіевского митрополита. Поэтому его дѣятельность была преимущественно формально-административная. Онъ смотрѣлъ на Кіевскую Академію, какъ на епаршеское учебное заведеніе, и старался подчинить ее своей консисторіи не только во внѣшнихъ, матеріальныхъ дѣлахъ, но и въ назначеніи начальниковъ и профессоровъ Академіи, и въ опредѣленіи предметовъ и порядка ихъ преподаванія.

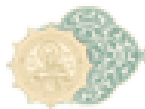
¹⁾ Тамъ же, ч. II, стр. 322.

²⁾ Указаныя книги Кіевской дух. Консисторіи за 1745 г., № 43.

³⁾ „Акта и документи, относящіеся къ исторіи Кіев. Академіи“, серія 2 т. I, ч. 2, стр. 322.

⁴⁾ Тамъ же, ч. II, стр. 3 и 4.

⁵⁾ Тамъ же, ч. I, введеніе, стр. XV.

Тогда какъ гетманъ Разумовскій пытался примѣнить выборное начало даже къ избранію кандидатовъ на маюрусскія епископскія кафедръ, митрополитъ Тимоѳей, наоборотъ, ограничивалъ это выборное начало и тамъ, гдѣ оно продолжало еще существовать, и именно въ Кіевской Академіи. Дотошъ профессора и начальствующія лица Кіевской Академіи выбирались или самою Академіею, или же совмѣстно съ членами Кіевской духовной Консисторіи ¹⁾; а теперь профессора и начальники Академіи назначаются непосредственно самимъ митрополитомъ ²⁾, и притомъ нерѣдко съ нарушеніемъ традиціоннаго обычая перевода или повышенія профессоръ изъ класса въ классъ. Въ августѣ 1755 года митрополитъ Тимоѳей собственною властію назначилъ въ ректоры Академіи не принадлежавшаго уже къ ея составу архидіакона Манассію Максимовича ³⁾ и въ томъ же году въ префекты Академіи приглашалъ Мгарскаго игумена Досіея Галяховскаго ⁴⁾, чѣмъ преграждалось повышеніе по службѣ наличныхъ профессоръ Академіи. Последніе въ томъ же августѣ мѣсяцѣ замыслили по этому поводу какую-то демонстрацію противъ митрополита и намѣревались отказаться отъ преподаванія порученныхъ имъ предметовъ. Митрополитъ Тимоѳей узнавъ объ этомъ и далъ профессорамъ такое письменное предложеніе: „извѣстно намъ пастиревъ учинено, что нѣкоторые въ васъ на слѣдующій годъ ученія преподавать яко бы уже желанія не имѣють, но не вѣдаемъ, отчего бы сіе кому послѣдовати могло? ежели для того, что буди

¹⁾ Тамъ же, ч. I, № XXXIII, стр. 191 и слѣд.

²⁾ См., наприм., опредѣленіе 28 августа 1751 г. о томъ, кому и какіе предметы преподавать въ Кіевской Академіи, въ „Актахъ Кіево-Братскаго училищнаго монастыря и Академіи“, В. Асоченскаго, т. I, № 39, л. 336.

³⁾ Указн. книга, Кіевской дух. Консисторіи за 1755 г., въ концѣ книги.

⁴⁾ „Акты Кіево-Братскаго монастыря и Академіи“, В. Асоченскаго, т. I, № 50, л. 495.

кто съ васъ чувствуетъ въ себѣ въ чемъ недостаточество, или чрезъ тое какое поврежденіе внутреннему и внѣшнему здравію, то такое нежеланіе за совѣстный резонъ признать, мощно. Ежели жъ кто такового препятствія къ тому не имѣетъ и можетъ какъ въ ученіи учениковъ надлежаше, сколько званіе учительское требуетъ, тако и въ наставленіи тихъ къ добродѣтельному житію и богоугоднымъ нравамъ достаточно удовлетворить, то такому не надлежитъ, сокрывая свѣдѣніе дарованій къ славѣ Божіей и къ пользѣ ближнему талантъ, отъ такого богоугоднаго званія удаляться. И потому честностямъ вашимъ кто желаетъ на слѣдующій годъ въ учительскомъ званіи быть, на основаніи богоугоднаго житія своего и полезнаго себѣ и ученикамъ ученія въ славу Божію, и кто не желаетъ за резонную совѣсть, всякому противъ своего имени собственноручно подписаться архіерейско притверждаемъ“. Сконфуженные такою постановкою вопроса, профессора согласились продолжать ученіе въ наступающемъ учебномъ году¹⁾. Притомъ же и игуменъ Досіеи Галяховскій отказался отъ префектуры въ Академіи²⁾.

Что же касается регламентирования академическаго преподаванія, то въ этомъ отношеніи особый интересъ представляетъ школьный проектъ архидіакона Манассія Максимовича. 18 ноября 1751 года членъ Кіевской духовной Консисторіи архидіаконъ Манассія Максимовичъ, — близкое къ митрополиту Тимоѳею лицо³⁾, — вѣроятно, по его порученію, представилъ митрополиту записку объ упорядоченіи и регламентаціи преподаванія въ низшихъ 6-ти классахъ Кіевской Академіи и возможномъ принаровленіи его къ епархіальнымъ

¹⁾ Тамъ же, т. I, № 50, л. 507.

²⁾ Тамъ же, л. 495

³⁾ См. *письмо м. Тимоѳея изъ Москвы, отъ 16 апрѣля 1753 г., къ архидіакону Манассію въ Указной книгѣ Кіевской дух. Консисторіи за 1754 годъ*, л. 315.

нуждамъ. Въ первомъ отношеніи архидіаконъ Манассія не указалъ новыхъ предметовъ преподаванія, а только проектировалъ установить, съ общаго согласія учителей, строго определенный, послѣдовательный порядокъ преподаванія наукъ въ первыхъ шести классахъ Академіи. Замѣчательно, что въ это время въ четырехъ низшихъ грамматическихъ классахъ Академіи (аналогіи, инфимъ, грамматикъ и синтаксимъ) приняты были, согласно требованію Духовнаго Регламента, лучшія по тому времени печатныя пособія для изученія классической римской литературы и отчасти христіанской, какъ, наир., вокабулы извѣстнаго педагога Яна Коменскаго, разговоры Лангія, отрывки изъ Іустина, Юлія Цезаря и Целларія, изъ Евангелія Кастелліона и др. Въ видахъ же принаровденія академическаго образованія къ нуждамъ епархіи и именно для приготовленія достойныхъ кандидатовъ во священство, архидіаконъ Манассія проектировалъ ввести преподаваніе катихизиса въ низшихъ четырехъ классахъ, въ піитикъ и реторикъ—толкованіе евангелія примѣнительно къ катихизису, а въ философін и богословіи—упражненіе въ составленіи проповѣдей и неопустительное посѣщеніе школьныхъ диспутовъ¹⁾. Согласно предложенію митрополита, академическая корпорація выработала инструкцію относительно преподаванія наукъ въ первыхъ шести классахъ Академіи, въ общемъ согласную съ проектомъ Манассія Максимовича, но ничего не сказала въ ней о преподаваніи катихизиса, объясненіи священнаго Писанія, составленіи проповѣдей и диспутахъ. Однако митрополитъ Тимоѳей, утверждая инструкцію, самъ внесъ въ нее опущенные Академіей пункты и сдѣлалъ ихъ обязательными для нея²⁾.

¹⁾ „Акты Кієво-Братскаго училищнаго монастыря и Академіи“, В. Аскоченскаго, т. I, № 42, л. 385—97.

²⁾ Тамъ же, № 46, л. 446—56.

Труды Кієвск. дух. Акад. Т. II. 1905 г.

Въ другихъ распоряженіяхъ митрополита Тимофея его регламентація коснулась и высшихъ классовъ академическаго образованія, философіи и богословія. Въ апрѣлѣ 1755 года митрополитъ Тимофеей дѣлаетъ строгій запросъ префекту и профессору философіи Давиду Нащинскому, почему имъ не устраивались философскіе диспуты. Давидъ Нащинскій объяснилъ, что въ преподаваніи философіи онъ руководился системою Генриха Винклера, „и по тому автору диспутъ отпавлять надлежащихъ всячески не въ состояніи“ ¹⁾. Вслѣдствіе этого, митрополитъ Тимофеей указомъ своимъ отъ 31 августа 1755 года, между прочимъ, предписалъ префекту Нащинскому руководствоваться въ своихъ лекціяхъ не Винклеромъ, а послѣдователемъ Картезія, т. е. Декарта, Цурхоціемъ ²⁾. Съ своей стороны, Давидъ Нащинскій усердно просилъ митрополита, чтобы дозволилъ ему преподавать Вольфіанскую философію по Винклеру или Баумейстеру ³⁾, что и разрѣшилъ ему митрополитъ Тимофеей, послѣ письменнаго сношенія своего съ бывшимъ ректоромъ Кіевской Академіи Георгіемъ Конисскимъ ⁴⁾. Для преподаванія богословія не указано было какого-либо опредѣленнаго руководства, но митрополитъ Тимофеей предостерегалъ, „дабы что не было въ конклюдіяхъ вѣры и православнаго исповѣданія противное, какъ то на нѣкоторыхъ прежде преподававшихъ оную священную богословію нарѣкательная въ нѣкоихъ богословскихъ съ прямою священною православною богословіею несходствахъ послѣдовала отъ другихъ предосудительная задача“ ⁵⁾. Въ этомъ предостереженіи дѣлается намекъ на Теофана Проко-

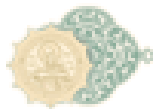
¹⁾ Архивъ Кіевской дух. Консисторіи, д. 1755 г., № 180.

²⁾ „Акты Кіево-Братскаго училищнаго монастыря и Академіи“, В Аскоченскаго, т. I, № 50, л. 502—3

³⁾ Архивъ Кіевской дух. Консисторіи, 1755 г., по входящей книгѣ № 2409.

⁴⁾ Акты Кіево-Братскаго училищнаго монастыря и Академіи, В Аскоченскаго, т. I, № 50, л. 504—5, 492—3.

⁵⁾ Тамъ же, л. 502—3.

повича, въ богословскихъ лекціяхъ котораго, въ дни юности митрополита Тимофея Щербацкаго, митрополитъ Стефанъ Яворскій находилъ ложныя мысли ¹⁾, между тѣмъ какъ кіевскіе богословы съ половины XVIII в. съ уваженіемъ стали относиться къ богословію Теофана Прокоповича.

Вообще, при митрополитѣ Тимоѳеѣ Щербацкомъ и по его иниціативѣ, въ видахъ урегулированія преподаванія наукъ въ Академіи, положено начало введенію печатныхъ руководствъ и пособій не только въ низшихъ, но и въ высшихъ классахъ Академіи, вслѣдствіе чего Кіевская Академія постепенно липалась свободы преподаванія наукъ, характеризующей высшія учебныя заведенія, и становилась какъ бы въ разрядъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Въ экономическомъ отношеніи Кіевская Академія при митрополитѣ Тимоѳеѣ Щербацкомъ находилась въ самомъ жалкомъ положеніи. Недвижимыя имущества Кіево-Братскаго монастыря, составлявшія главный источникъ доходовъ его и Академіи, постепенно теряли соединенныя съ ними льготы, напр., винокуренія, облагались общенародными податями и повинностями и, послѣ „рѣшительныхъ пунктовъ“ 1728 года, систематически расхищались сторонними лицами Въ 1754 году ректоръ Кіевской Академіи Георгій Конисскій доносилъ митрополиту Тимоѳею Щербацкому о захватѣ разныхъ Кіево-Братскихъ имѣній и угодій сторонними лицами и просилъ сдѣлать распоряженіе прислать изъ Гамалѣвскаго монастыря въ Кіево-Братскій одного изъ тамошнихъ монаховъ, опытныхъ въ веденіи тяжёбныхъ дѣлъ; но Гамалѣвскій монастырь не нашелъ возможнымъ выслать такого монаха въ Кіево-Братскій монастырь ²⁾. Преемникъ Георгія Конисскаго, ректоръ Манассія Максимовичъ, въ доношеніи своемъ отъ

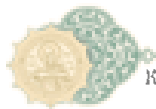
¹⁾ „Обзоръ русской дух. литературы“, архіепископа Филарета Гумилевскаго, 3 изд., С.-Петербургъ, 1884 г., стр. 290.

²⁾ Архивъ Кіевской дух. Консисторіи, д. 1754 г., № 234.

19 сентября 1757 года писалъ митрополиту Тимофееву, что, вслѣдствіе многосложности обязанностей ректора, въ Кіево-Братскомъ монастырѣ „экономія такъ запущена, что уже третья почти часть добръ, въ крѣпостяхъ прописанныхъ, отъ братскаго монастыря въ разныя руки отошла, а нѣкоторымъ дѣламъ великимъ до тридцать лѣтъ и болѣе есть, какъ уже слѣдствіемъ произведеніи лежатъ, докончить только ихъ не было и нѣтъ кому, за прописанными резонами“, и усердно просилъ митрополита поручить экономію Кіево-Братскаго монастыря особому его настоятелю съ званіемъ архимандрита, которому онъ Максимовичъ готовъ подчиниться, какъ своему начальнику. Но митрополитъ отложилъ рѣшеніе этого дѣла на неопредѣленное время, написавъ такую резолюцію: „по нѣкимъ обстоятельствамъ, сего прошенія нинѣ нельзя утверждать; подождать далшаго времени ко учиненію надлежащей на то резолюціи“ ¹⁾. Самъ же Манаассія Максимовичъ добился только того, что въ 1759 году, уже по его смерти, переданъ былъ Кіевскимъ Магистратомъ Кіево-Братскому монастырю Зимовичевскій пляцъ въ самомъ Кіевѣ, не смотря на запрещеніе „рѣшительныхъ пунктовъ“ 1728 г. монастырямъ вновь пріобрѣтать недвижимыя имѣнія; но это новое пріобрѣтеніе дозволено Кіево-Братскому монастырю по тому лишь, что оно не стоило лежавшаго на немъ долга Кіево-Братскому монастырю, и пригомъ же сдѣланнаго въ 1704 году, т. е. задолго до изданія рѣшительныхъ пунктовъ 1728 года ²⁾. Во всякомъ случаѣ, это новое пріобрѣтеніе не могло значительно увеличить благосостояніе Кіево-Братскаго монастыря и Академіи, которые настоятельно нуждались въ сторонней помощи.

¹⁾ Тотъ же архивъ, 1757 г., по входящей книгѣ № 133.

²⁾ Имущественные документы кіевскихъ монастырей, въ рукописи Кіевской дух Академіи О. л. 15, си „Кіево-Братскій уличенный монастырь“, П. О. Мухина, Кіевъ, 1893 г., стр. 385—400.

Эта сторонняя помощь, до митрополита Тимофея Щербачаго, выражалась: 1) въ государственной субсидіи по 80 руб. въ годъ, которая шла въ общую кассу монастыря; 2) въ ежегодномъ отпускѣ изъ войскового скарбу по 200 руб. изъ коихъ по 35 рублей шло на церковь и школы, а остальные 130 руб. назначались на содержаніе учителей, но тоже поступали въ общую монастырскую кассу, и 3) въ 200 руб. митрополитанской консольціи изъ собираемыхъ по епархіи вѣнечныхъ пошлей, шедшей въ раздѣлъ между учителями, которые, сверхъ того, при митрополитѣ Рафаилѣ Заборовскомъ особо получали отъ него на одѣяніе „деньгами, и при оныхъ деньгахъ и платьемъ, иногда единъ разъ въ годъ, а иногда и дважды, наипаче по измершихъ начальникахъ оставшимся“. Кроме того, профессора получали: часть изъ вѣнечныхъ пошлей по Кіево-Подольской протопопіи, вмѣсто братскаго подѣла изъ монастыря по 2 рубля префектъ и по 1 рублю въ годъ остальные учителя, единичныя консольціи отъ митрополита за проповѣди и на именины каждаго учителя, калекфаторскія (за отопленіе классовъ) деньги съ учениковъ и подарки, преимущественно напитками, отъ родителей обучавшихся въ Академіи учениковъ¹⁾.

Митрополитъ Тимофей Щербачкій немного сдѣлалъ для улучшенія тяжелаго матеріальнаго положенія Кіево-Братскаго монастыря и Академіи. Лично онъ не дѣлалъ отъ себя или отъ своей кафедры крупныхъ пожертвованій на экстраординарныя нужды монастыря и Академіи, какія дѣлали его предшественники и преемники. Нельзя сказать, чтобы онъ не заботился объ Академіи и не предпринималъ мѣръ къ улучшенію ея быта; но эти мѣры имѣли временный и палліативный характеръ. Самъ онъ лично, повидимому, не давалъ

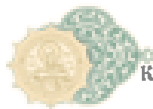
¹⁾ „Акты Кіево-Братскаго училищнаго монастыря и Академіи“, В. Аскоченскаго, т. II, №№ 16 и 21.

учителямъ Академіи денегъ на одежду, но, вѣроятно, по ихъ ходатайству, одинъ годъ велѣлъ отпускать „на одѣяніе учителей... всю консольяцію казнодѣйскую (проповѣдническую) и экзаминаторскую, которая числомъ въ годъ каждому порознь учителю до 60 руб. считалась“. Приблизительно съ 1754 года митрополитъ Тимошей велѣлъ также отдавать въ раздѣлъ учителямъ ихъ долю изъ 200 руб., отпускаявшихся на Академію изъ войскового скарба ¹⁾. Но такъ какъ эти деньги долѣ поступали въ общую монастырскую кассу, то въ возмѣщеніе ихъ и для облегченія Кіево-Братскаго монастыря въ содержаніи учителей, митрополитъ Тимошей въ томъ же 1754 году, на основаніи Духовнаго Регламента и по ходатайству префекта и учителей, сдѣлалъ распоряженіе о томъ, чтобы 11-ть монастырей Кіевской епархіи Максаковский, Батуринскій, Гамалѣевскій, Глуховскій, Мгарскій, Густынский, Сорочинскій, Полтавскій, Спелъскій, Гадяцкій и Великобудинскій ежегодно вносили въ Кіево-Братскій монастырь 50 руб. деньгами, 10 ведеръ горѣлки, 10 ведеръ олѣи, 10 четвериковъ крупъ, 10 четвериковъ муки гречаной, 30 пудовъ масла, 60 пудовъ сыру, 10 четвериковъ муки пшениной, 10 четвериковъ пшена и 10 саль ²⁾. Но и это распоряженіе, по самому существу своему, не могло быть устойчивымъ и скоро было забыто; а Кіево-Братскій монастырь поставленъ былъ въ еще болѣе тяжелыя условія, съ которыми вѣдаться пришлось преемнику митрополита Тимошея на Кіевской митрополичьей кафедрѣ.

Наиболѣе яркимъ показателемъ взаимныхъ отношеній между митрополитомъ Тимошеемъ Пѣрбацкимъ и его консисторіей, съ одной, и Кіевскою Академіею въ лицѣ ея ректора, съ другой стороны, и притомъ именно на экономической и

¹⁾ Тамъ же, № 21.

²⁾ „Кіевская Академія съ половины XVIII в. до преобразованія ея въ 1819 году“, В. Серебрянникова, Кіевъ, 1897 г., стр. 73.

административной почвъ, можетъ служить извѣстное, громкое въ исторіи Кіевской Академіи, дѣло объ отрѣшеніи архимандрита Сильвестра Ляскоронскаго отъ должностей ректора Академіи и настоятеля Кіево-Братскаго монастыря.

Сильвестръ Ляскоронскій совершенно случайно попалъ на должность ректора Кіевской Академіи. Будучи перемѣщенъ въ 1745 году Св. Синодомъ изъ игуменовъ Виленскаго Свято-Духова монастыря въ архимандриты Нѣжинскаго Благовѣщенскаго монастыря, Сильвестръ Ляскоронскій не успѣлъ еще и пріѣхать въ этотъ монастырь, какъ въ него назначенъ былъ, по Высочайшему повелѣнію, архимандритомъ соборный старецъ Кіево-Печерскія лавры Владиміръ, и Сильвестру Ляскоронскому велѣно было предоставить другую архимандрію ¹⁾. Такою и оказалась архимандрія Кіево-Братскаго монастыря. Не смотря на случайность своего назначенія въ ректоры Академіи, Сильвестръ Ляскоронскій, какъ бывший ея учитель ²⁾, оказался на своемъ мѣстѣ, до 1751 года, въ теченіе свыше 5-ти лѣтъ, исправно проходилъ должности ректора и профессора богословія въ Кіевской Академіи и, по нашему мнѣнію, палъ жертвою ненормальныхъ отношеній Кіевской Академіи къ митрополиту Тимофееву Щербацкому и его консисторіи. Отрывки уцѣлѣвшихъ документовъ этого времени свидѣтельствуютъ уже объ установившихся къ 1750 году обостренныхъ отношеніяхъ между ректоромъ Академіи Сильвестромъ Ляскоронскимъ и митрополитомъ Тимофеемъ Щербацкимъ. Когда 8 декабря 1750 года митрополитъ Тимофей, желая отслужить на 9 декабря, день зачатія св. Анны (праздникъ младшей студенческой конгрегаціи), всенощное бдѣніе и на другой день литургію въ Братскомъ монастырѣ, черезъ своего келейника объявилъ архимандриту

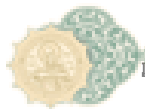
¹⁾ Укази. книга Кіевской дух. Консисторіи за 1745 годъ, №№ 31 и 43.

²⁾ Акты и документы, относящіеся къ исторіи Кіев. Академіи, серия 2, т. I, ч. 2, стр. 296.

Ляскоронскому о своемъ намѣреніи опочить, между всенощной и обѣдней, въ ректорскихъ келліяхъ, то Сильвестръ Ляскоронскій отклонилъ отъ себя эту честь, указавши на келліи префекта (Георгія Конисскаго), какъ болѣе удобныя, и не хотѣлъ ни встрѣчать пріѣздъ митрополита, ни провожать его ¹⁾. Это, дѣйствительно, была рѣзкая и дерзкая выходка Сильвестра Ляскоронскаго противъ непосредственнаго своего начальника; по причина ея остается для насъ неясною. Повидимому, Сильвестръ Ляскоронскій былъ чѣмъ-то раздраженъ не только противъ митрополита Тимофея, но и противъ своего префекта Георгія Конисскаго. Во всякомъ случаѣ, съ этого времени возбуждается митрополитомъ и его консисторіею противъ Сильвестра Ляскоронскаго сразу нѣсколько дѣлъ, независимо отъ обвиненія въ вышеуказанномъ личномъ оскорбленіи митрополиту. Указомъ отъ 20 февраля 1751 года митрополитъ Тимофей Цербацкій потребовалъ отъ Сильвестра Ляскоронскаго отчета въ израсходованіи получаемыхъ изъ войскового кабра 200 рублей какъ за отчетный, такъ и за предыдущіе годы, съ 1742 года. Требованіе это, въ связи съ прикосновенностію къ дѣлу префекта Георгія Конисскаго, даетъ понять, что исходнымъ пунктомъ недоразумѣній послужили эти 200 р., которыхъ, можетъ быть, префектъ и учителя требовали себѣ въ раздѣлъ. Сильвестръ Ляскоронскій представилъ требуемый отчетъ 22 февраля 1751 года, объяснивъ въ немъ, что въ послѣднее время всѣ эти деньги, по скудости монастыря, идутъ въ общую его кассу, изъ которой содержатся и учителя ²⁾. Какъ бы въ оправданіе этихъ расходовъ, іеромонахи Кіево-Братскаго монастыря ламѣстникъ Оеодосій и эконоомъ Товія, явившись 8 октября 1751 года въ катедральную канцелярію за полу-

¹⁾ „Акта Кіево-Братскаго училищнаго монастыря и Академія“, В. Аско-чскаго, т. I, № 40.

²⁾ Изъ архива Кіевской дух. Консисторіи за 1751 годъ.

ченіемъ 200 руб. изъ войскового скарба, говорили здѣсь о той крайней скудости, въ какой находился тогда Кіево-Братскій монастырь. Объ этомъ донесено было митрополиту Тимоѳею, который, какъ бы не зная о причинѣ такого оскудѣнія монастыря, потребовалъ отъ архимандрита Ляскоронскаго монастырскія прихода-расходныя книги за текущій и прежніе годы, и когда Сильвестръ Ляскоронскій объяснилъ, что такія книги за текущій годъ, вслѣдствіе запоздалой высылки 200 р. изъ войскового скарба и позаймствованія суммъ на содержаніе профессоровъ изъ другихъ источниковъ, велись только вчернѣ, вторичнымъ указомъ потребовалъ немедленнаго представленія и черновыхъ записей ¹⁾.

Любопытнѣе всего возбужденное Кіевскою консисторіею тяжбное дѣло Кіево-Братскаго монастыря съ Кіевскимъ мѣщаниномъ Стефаномъ Гуслистомъ, арендовавшимъ когда-то монастырскій хуторъ. За долгъ мѣщанина Гуслиста мѣщанину Иванскому проданъ былъ, по оцѣнкѣ, инвентарь этого хутора, принадлежавшій Гуслисту, и вмѣстѣ съ землею переданъ въ аренду этому Иванскому, а когда послѣдній не хотѣлъ болѣе арендовать хутора, то монастырь уплатилъ ему стоимость инвентаря Гуслиста по первоначальной его оцѣнкѣ и сдѣлался полнымъ его владѣльцемъ. Это было еще въ 1746 году. Но теперь Гуслистъ вновь поднималъ дѣло, ссылаясь на какую-то вторую, болѣе высокую оцѣнку его хуторнаго инвентаря, и требовалъ, чтобы монастырь уплатилъ ему разницу между этими оцѣнками въ 164 руб. 59 коп., съ прибавленіемъ 17 руб. 30 коп. за нѣкоторыя якобы безъ оцѣнки взятыя монастыремъ вещи Гуслиста. Кіевская консисторія, куда поступило дѣло, явно приняла сторону Гуслиста, въ ущербъ интересамъ Кіево-Братскаго монастыря и архимандрита его Сильвестра Ляскоронскаго, и постановила, что-

¹⁾ «Акты Кіево-Братскаго училищнаго монастыря и Академіи», В. Аскоченскаго, т. I, № 40, л. 346 и сл.

бы Кіево-Братскій монастырь уплатилъ означенныя деньги Гуслисту. Не довольствуясь этимъ, Кіевская Консисторія послала со своимъ указомъ по этому предмету къ Сильвестру Ляскоронскому своего канцеляриста Ивана Данилевскаго, который долженъ былъ прочитатъ этотъ указъ Ляскоронскому въ присутствіи начальной братіи Кіево-Братскаго монастыря и самого Гуслиста, и о томъ, что будетъ говорить при этомъ С. Ляскоронскій, донести Консисторіи. Ляскоронскій не исполнилъ распоряженія Консисторіи о публичномъ прочтеніи ея указа при начальной братіи монастыря и Гуслистѣ и въ разговорѣ съ канцеляристомъ Данилевскимъ назвалъ даже Гуслиста воромъ. Данилевскій донесъ объ этомъ Консисторіи, которая опредѣленіемъ своимъ отъ 21 октября 1751 года постановила оштрафовать за это архимандрита Ляскоронскаго шестью рублями въ пользу Гуслиста, хотя самъ онъ, повидому, и не просилъ объ этомъ Консисторію. Но Сильвестръ Ляскоронскій отписывался отъ придирокъ Консисторіи, справедливо указывая на то, что инвентарь Гуслиста проданъ за его долги не монастырю, а заимодавцу Иванскому, съ которымъ ему и нужно вѣдаться, и что приведенныя Консисторіею узаконенія при наложеніи 6-рублеваго штрафа на него Ляскоронскаго не могутъ относиться къ настоящему дѣлу, и что опредѣленіе Консисторіи по сему дѣлу постановлено только тремя ея членами ¹⁾).

Послѣднее замѣчаніе С. Ляскоронскаго нѣсколько приподнимаетъ завѣсу съ этого темнаго дѣла и показываетъ, что въ немъ участвовали не всѣ, а только нѣкоторые члены Кіевской духовной Консисторіи. Едва ли не главнымъ руководителемъ этого консисторскаго дѣла былъ любимецъ митрополита Тимофея Щербацкаго архимандритъ Іоанникій Ска-

¹⁾ „Акті Кіево-Братскаго училищнаго монастыря в Академіи“, В. Асоченскаго, т. I, № 37.

бовскій, подписавшійся подъ бумагами этого дѣла во главѣ немногихъ другихъ членовъ Консисторіи. Въ 1739 году Скабовскій предназначался въ учителя Смоленской семинаріи, но удержанъ былъ у себя Тимоѳеемъ Щербацкимъ въ бытность послѣдняго Кіево-Михайловскимъ архимандритомъ. Въ 1748 году, тотчасъ по вступленіи на кіевскую митрополию, Тимоѳей Щербацкій вызвалъ Скабовскаго къ себѣ изъ Твери въ Кіевъ и обѣщалъ ему Кіево-Никольскую архимандрію, которую, однако, не хотѣлъ уступить ему прежній престарѣлый Никольскій архимандритъ Назарій Солонина ¹⁾. Но своими грубыми пріемами архимандритъ Скабовскій оказалъ въ послѣдствіи плохую услугу своему высокому патрону, а въ данномъ случаѣ не достигъ и преднамѣченной имъ цѣли. Въ общемъ составѣ своемъ Кіевская духовная Консисторіи не нашла возможнымъ осудить Ляскоронскаго по дѣлу его съ Гуслястомъ и остановилась на обвиненіи Ляскоронскаго въ непочтеніи его къ митрополиту, о чемъ сказано нами выше. Консисторія дважды дѣлала постановленіе по этому дѣлу, 29 ноября и 29 декабря 1751 года, и во второй разъ, согласно резолюціи митрополита на первомъ опредѣленіи, постановила, вмѣсто заслуженнаго изверженія, отставить архимандрита Ляскоронскаго отъ правленія Кіево-Братскаго монастыря, жить ему архимандриту въ келліяхъ архимандричьихъ и получать порцію противъ его намѣстника ²⁾.

Въ слѣдующемъ 1752 году Сильвестръ Ляскоронскій перемѣнцень былъ на жительство въ Кіево-Выдубицкій монастырь и здѣсь скоропостижно умеръ 8 мая, 1754 года ³⁾

¹⁾ „Акты и документы, относящіеся къ исторіи Кіевской Академіи“, серія 2, т. I, Кіевъ, 1904 г., ч. 2, стр. 388. Объ архимандритѣ Солонинѣ см. указъ Св. Синода отъ 7 юлія 1751 г. въ архивѣ Кіевской дух. Консисторіи, въ книгѣ „Синодальныя указы 1745—57 гг. и реестры указамъ“.

²⁾ „Акты Кіево-Братскаго узынничнаго монастыря и Академіи“, В. Аскоченскаго, т. I, № 40.

³⁾ Указъ Св. Синода отъ 18 августа 1754 г. въ указной книгѣ Кіевской дух. Консисторіи за 1754 г., № 65, л. 259.

Но, до своей внезапной кончины, онъ не смирился предъ ударами судьбы и, вмѣстѣ съ другими кіевскими архимандритами, бывшимъ Никольскимъ Назаріемъ Солониной и бывшимъ Михайловскимъ Модестомъ Стефановичемъ, одинъ за другимъ удаленными митрополитомъ Тимошеемъ со своихъ архимандрій ради доставленія мѣста Іоанникію Скабовскому, жаловался на митрополита въ Св. Синодъ и даже самой императрицѣ. Вслѣдствіе сего, отъ 4 марта 1754 года послѣдовалъ именной высочайшій указъ о томъ, чтобы архимандрита Модеста „и протчихъ по тому дѣлу кто находится въ содержаніи, не чиня имъ ничего и разсгиженія, изъ заключенія тотъ часъ свободить и ничѣмъ до нихъ не касаться“. Къ этому Св. Синодъ въ указѣ своемъ митрополиту Тимошеею добавлялъ: „а Ея Императорскаго Величества соизволеніе есть Ваше Преосвященство изъ Кіевской епархіи перевести въ Новгородскую епархію, а въ Кіевскую имѣетъ быть другой архіерей“. Митрополитъ Тимошей обѣщалъ возвратити архимандриту Модесту Михайловскую архимандрію; но не исполнилъ своего обѣщанія, на что архимандритъ Модестъ въ 1757 году снова пожаловался Св. Синоду. Послѣдній указомъ своимъ отъ 30 апрѣля 1751 года предписалъ митрополиту Тимошеею слѣдующее: „оному архимандриту Модесту, по силѣ означеннаго Ея Императорскаго Величества Высочайшаго указа, быть въ томъ Кіево-верхо-Михайловскомъ монастырѣ архимандритомъ попрежнему, точію въ надлежащемъ и достодолжномъ Вашему Преосвященству, яко пастырю своему, послушаніи и повиновеніи, отдавая сыновное, яко отцу и пастырю своему; напротивъ же того и Вашему Преосвященству, предавъ въ должное забвеніе всѣ донынѣ происходимыя съ нимъ архимандритомъ между собою несогласіи, никакихъ отмишеній, обидъ и притѣсненій ему Модесту не чинить, и нынѣ находящагося въ томъ Золото-верхо-Михайловскомъ монастырѣ архимандрита (Іоанникія Скабовскаго) Вашему Преосвященству перевести въ другой по

разсмотрѣнію своему знатной и степенной, чтобъ ему безобидно быть могло, монастырь“¹⁾. Вѣроятно, исторія столкновений митрополита Тимофея Щербацкаго съ тремя Кіевскими архимандритами и была главною причиною перемѣщенія его въ 1757-мъ году съ Кіевской митрополіи на Московскую.

Преемникъ Тимофея Щербацкаго по Кіевской митрополіи архимандритъ Арсеній Могилянскій, не мало вращавшійся въ придворныхъ сферахъ, отличался ровностію характера и административнымъ тактомъ. По матери своей онъ происходилъ изъ священническаго рода Могиль, хранившаго семейныя литературныя преданія. Прадѣдъ его, Рѣшетилевскій священникъ Симеонъ Тимофеевичъ составилъ въ 1670 году сборникъ проповѣдей на простомъ малороссійскомъ нарѣчій, подъ такимъ заглавіемъ: „Наука христіанская зъ Евангелія въкоротѣ зложена въ каждую недѣлю и въ праздники Господскія и Богоматерныя на увесь цѣлый рокъ барзо простою моною и діалектомъ, ижъ и напросгѣйшему челоуѣкови снадно понятая“, и проч. Сынъ этого священника Симеона, а дѣдъ А. Могилянскаго священникъ Оеодоръ Симеоновичъ Могила заботалъ хранить эту рукопись сыну и внуку своему²⁾. По смерти своего отца, А. Могилянскій воспитанъ былъ дѣдомъ своимъ священникомъ Оеодоромъ Могилою, отъ котораго получилъ и фамилію свою Могилянскій. Родившійся въ 1711 году³⁾, онъ началъ свое образованіе въ Кіевской Академіи, закончилъ его въ Харьковскомъ Коллегіумѣ и преемственно былъ преподавателемъ

¹⁾ Въ архивѣ Кіевской дух. Консисторіи, въ книгѣ „Синодальныя указы 1745—57 г. и реестры указамъ“.

²⁾ „Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ г. Кіевѣ“, Н. И. Петрова, вып. III, Москва, 1904 г., № 180, стр. 57 и 58.

³⁾ Краткую біографію и Арсенія Могилянскаго, составленную Іаковомъ Воронковскимъ, см. въ бумагахъ прот. П. Г. Лебединцева, переданныхъ въ 1904 г. въ бібліотеку Церковно-Археологическаго музея при Кіевской дух. Академіи.

въ Тверской Семинаріи, Московской Академіи и Троице-Сергіевской Семинаріи и главнымъ начальникомъ послѣдней ¹⁾, и, слѣдов., имѣлъ многостороннюю опытность въ учебно-педагогическомъ дѣлѣ и могъ внести новую струю въ жизнь Кіевской Академіи. Онъ значительно улучшилъ правовое положеніе профессоровъ Кіевской Академіи, ввелъ нѣкоторые новые или же усилилъ прежніе предметы академическаго преподаванія и привелъ ихъ въ стройную систему, а также принялъ болѣе или менѣе серьезныя мѣры къ улучшенію матеріальнаго положенія профессоровъ и бѣдныхъ студентовъ Академіи.

Вѣроятно, въ соотвѣтствіе съ избирательными тенденціями гетмана К. Г. Разумовскаго, митрополитъ Арсеній ввелъ въ Кіевской Академіи избирательное начало въ широкихъ размѣрахъ, предоставивъ профессорамъ Кіевской Академіи выбирать вольными голосами не только профессоровъ, но и ректора Академіи, съ тѣмъ только отличіемъ въ послѣднемъ случаѣ, что въ избраніи ректора участвовали также и члены консисторіи и даже студенты богословія ²⁾.

Оказывая полное довѣріе къ академической корпораціи, митрополитъ Арсеній возлагалъ на профессоровъ и нѣкоторые новыя обязанности и урегулировалъ ихъ школьныя занятія. Самъ лично, по своей инициативѣ, митрополитъ Арсеній ввелъ въ Кіевской Академіи, на основаніи Духовнаго Регламента, преподаваніе ариметики и географіи, возложивъ его на наличныхъ профессоровъ, и усилилъ ихъ проповѣдническую дѣятельность. 13 октября, 1758 года, онъ распоря-

¹⁾ „Акты и документы, относящіеся къ исторіи Кіевской Академіи“, серия вторая, т. I, ч. 2, Кіевъ, 1904 г., стр. 413—4.

²⁾ О выборѣ вольными голосами на профессорскія должности см., наприм., „Акты Кіево-Братскаго училищнаго монастыря и Академіи“, В. Аскоченскаго, т. II, № 19, л. 336. О выборѣ ректора Д. Нащинскаго см. тамъ же, т. II, № 5, и Памятникъ православія и русской народности въ Западной Россіи въ XVII и XVIII вв., проф. свящ. О. И. Титова. Кіевъ, 1905 г., т. I, ч. 2, № 366.

дился „въ Братскомъ училищномъ монастырѣ, кромѣ катехизиса, велѣть во всѣ воскресные дни говорить предики учителямъ поочередно“, и притомъ возможно простыя и общепонятныя, и, не смотря на разныя отговорки профессоровъ, настоялъ на исполненіи своего распоряженія¹⁾. Въ видахъ же общей регламентаціи преподаванія наукъ въ Киевской Академіи, при митрополитѣ Арсеніѣ Могилянскомъ составлена была подробная инструкция по всѣмъ частямъ академическаго управленія, въ которой заключались и краткія программы преподаванія всѣхъ академическихъ наукъ. Ближайшій поводъ къ ея составленію подалъ новоизбранный ректоръ Киевской Академіи архимандритъ Давидъ Нацинскій, который немедленно по вступленіи своемъ въ ректорскую должность просилъ у митрополита Арсенія инструкціи относительно предѣловъ ректорской власти и преподаванія богословія. Митрополитъ Арсеній велѣлъ ему навести справки о преподаваніи богословія въ Киевской Академіи въ прежнее время и выработать программу преподаванія сего предмета. Давидъ Нацинскій, сдѣлавъ обзоръ богословскимъ лекціямъ прежняго времени, въ видѣ программы указалъ на православное исповѣданіе вѣры св. Іоанна Дамаскина, что митрополитъ Арсеній и утвердилъ временно²⁾. Въ послѣдствіи же времени, послѣ Давида Нацинскаго, богословіе въ Киевской Академіи продолжало преподаваться попрежнему академически, по собственнымъ запискамъ профессора³⁾. Вѣроятно, въ видахъ регулированія всѣхъ вообще предметовъ академическаго образованія, въ августѣ 1759 года

¹⁾ Тамъ же, т. II, № 12, л. 242 и 227.

²⁾ Тамъ же, т. II, № 13, л. 254 и сл.

³⁾ См. лекціи по догматическому богословію ректора Самуила Миславскаго въ „Описаніи рукописей Церковно-Археологическаго музея при Киевской дух. Академіи“, Н. И. Петрова, вып. 1, Киевъ, 1875 г., №№ 99—102, стр. 41 и слѣд.

митрополитъ Арсеній потребовалъ отъ всѣхъ профессоровъ Кіевской Академіи свидѣній о томъ, что они прошли и чего не прошли въ своихъ классахъ, и на чемъ остановились ¹⁾. Собранныя такимъ образомъ свидѣнія послужили матеріаломъ при составленіи инструкции для Кіевской Академіи, каковая инструкция и утверждена была митрополитомъ Арсеніемъ въ 1764 году ²⁾.

Матеріальное положеніе профессоровъ Кіевской Академіи ко времени вступленія митрополита Арсенія на Кіевскую митрополию было незавидное. Правда, профессора Академіи еще при митрополитѣ Тимоѳѣѣ Щербаткомъ, какъ мы уже видѣли, добились того, что, кромѣ 200 руб. митрополитанской консоляціи, стали получать на-руки причитавшуюся имъ долю ежегоднаго пособія въ 200 рублей изъ войскового скарба, взаимѣнь чего Кіево-Братскому монастырю назначено было пособіе отъ 11-ти монастырей Кіевской епархіи частію деньгами, частію съѣстными припасами. Но послѣдняго пособія Кіево-Братскій монастырь теперь, по видимому, не получалъ, и монастырское начальство вынуждено было уменьшить и ухудшить профессорскій столъ. Тогда профессора Академіи, съ префектомъ Самуиломъ Миславскимъ во главѣ, обратились къ новому митрополиту съ прошеніемъ объ улучшеніи ихъ стола. Митрополитъ выразилъ свою непремѣнную волю, чтобы профессора Академіи „неоскудно противъ прежняго ѣстнымъ и питейнымъ удовольствовани были“, о чемъ и дано было знать Кіево-Братскому монастырю Консисторскимъ указомъ отъ 10 января 1759 года. Но намѣстникъ и старшая братія Кіево-Братскаго мо-

¹⁾ „Акты Кіево Братскаго училищнаго монастыря и Академіи“, В. Аскоченскаго, г. П., № 23, л. 360 и слѣд.

²⁾ „Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ Кіевѣ“, Н. И. Петрова, вып. III, Москва, 1904 г., № 459, стр. 189. Изд. въ „Кіев. Епарх. Вѣдом.“, 1893 г., №№ 20 и 21.

настыря, полагая, что резолюція митрополита и распоряженіе Консисторіи послѣдовали вслѣдствіе незнакомства ихъ съ крайне бѣдственнымъ, въ матеріальномъ отношеніи, положеніемъ сего монастыря. и, находя себѣ поддержку въ своемъ архимандритѣ и ректорѣ Академіи Давидѣ Нащинскомъ, подали послѣднему доношеніе съ изложеніемъ всѣхъ нуждъ по Кіево-Братскому монастырю и недвижимымъ его имѣніямъ, для удовлетворенія которыхъ, по ихъ соображенію, потребно было денегъ до 5,000 рублей. Они не только не находили возможнымъ улучшить профессорскій столъ, но и просили ходатайствовать предъ митрополитомъ, чтобы и 200 рублей пособія изъ войскового скарба выдавались не профессорамъ лично, а монастырю на ихъ содержаніе. Съ своей стороны, профессора Академіи жаловались митрополиту на архимандрита Давида Нащинскаго и старѣйшую братію монастыря, что они въ послѣднее время еще болѣе ухудшили профессорскій столъ, и заявляли притязанія на раздѣлъ между собою ежегоднаго государственнаго пособія въ 80 рублей и на полученіе одѣянія насчетъ монастыря. Митрополитъ потребовалъ объясненія отъ архимандрита Нащинскаго, который съ своей точки зрѣнія и написалъ подробное опроверженіе жалобъ и претензій своихъ профессоровъ¹⁾. Но митрополитъ остался при прежнемъ своемъ рѣшеніи. Пособіе изъ войскового скарба по 200 рублей въ годъ и послѣ того раздѣлялось между профессорами, какъ, напр., это было въ 1762 году²⁾. Что же касается удовлетворенія неотложныхъ нуждъ Кіево-Братскаго монастыря, то для этой цѣли испрошенъ былъ указъ Св. Синода отъ 18 августа 1759 года о разрѣшеніи монастырю производить сборъ милостыни отъ добродѣтельныхъ дателей въ Петербургѣ

¹⁾ „Акты Кіево-Братскаго училищнаго монастыря и Академіи“, В. Аскоченскаго, т. II, №№ 16 и 21.

²⁾ Тамъ же, т. III, №№ 3 и 4

Труды Кіевск. дух. акад. Т. II. 1905 г.

и другихъ великороссійскихъ мѣстахъ въ теченіе двухъ лѣтъ¹⁾. Недоразумѣнія между Кіево-Братскимъ монастыремъ и профессорами Академіи, повидимому, улаживались; но архимандритъ Давидъ Нащинскій настолько обострилъ свои отношенія къ профессорамъ Академіи, что долженъ былъ оставить академическую службу, и въ январѣ 1761 года перемѣщенъ былъ архимандритомъ въ Гамалѣевскій монастырь²⁾. Впрочемъ, увольненіе Давида Нащинскаго отъ должности ректора Академіи носило иной характеръ, чѣмъ увольненіе Сильвестра Ляскоронскаго. Тогда какъ послѣдній отрѣшенъ былъ отъ службы епархіальною властію вслѣдствіе личныхъ столкновеній его съ митрополитомъ Тимофеемъ Щербацкимъ, Нащинскій былъ только перемѣщенъ въ другой монастырь, и притомъ какъ бы по желанію академической корпораціи или въ угоду ей.

Кромѣ улучшенія положенія профессоровъ Академіи, митрополитъ Арсеній обратилъ также серьезное вниманіе и на академическую бурсу. Къ 1758 году эта бурса дотого обветшала, что становилась непригодною для житья даже и неизбалованнымъ судьбою бурсакамъ. Но смѣтъ, на временный ремонтъ прежней бурсы и на постройку новой требовалось свыше 1000 рублей. Вслѣдствіе этого, по рѣшенію Кіевской духовной Консисторіи и резолюціи митрополита, положено половину вакансовыхъ и штрафныхъ денегъ, получаемыхъ съ остающихся въ вакансѣ парохій (приходовъ) и изъ штрафовъ со священниковъ за разные проступки, дотошъ отпускаяшюся на госпиталь, на будущее время собирать на починку бурсы. Независимо отъ того, митрополитъ Арсеній разрѣшилъ Консисторіи выдать Кіевской Академіи шнуровую

¹⁾ Указанная книга Кіевской дух. Консисторіи за 1759 и 1760 годы. л. 152, и „Синодальные указы 1743—57 гг. и реестры указамъ“.

²⁾ „Акты Кіево-Братскаго училищнаго монастыря и Академіи“, В. Асоченскаго, т. III, №№ 1 и 28.

книгу для сбора подаяній на постройку новой бursы и внесъ отъ себя 400 рублей на этотъ предметъ. Вѣроятно, въ это-же время гетманъ К. Г. Разумовскій и отъ себя пожаловалъ 100 рублей на академическую бурсу ¹⁾. Въ 1761 году тотъ же митрополитъ Арсеній возбудилъ дѣло о постройкѣ новой крыши на каменныхъ школахъ, изыскавъ для этого нѣкоторыя мѣстныя средства и, кромѣ того, велѣлъ Консисторіи выдать Академіи пинуровую книгу для сбора добротныхъ подаяній на этотъ предметъ ²⁾. Въ февралѣ 1762 г. изъ денегъ, собираемыхъ на постройку новой бursы, митрополитъ разрѣшилъ выдать 100 рублей на починку старой бursы и на леченіе больныхъ бурсаковъ, а изъ собираемыхъ на новую крышу надъ школами выдать на леченіе профессоровъ, духовныхъ по 10, а свѣтскихъ по 5 рублей на человѣка ³⁾. Въ скоромъ времени бурса была построена, но уже въ слѣдующій періодъ, не подлежащій нашему обозрѣнію.

Ректорами Кіевской Академіи въ гетманство Разумовскаго преемственно были Сильвестръ Ляскоронскій до конца 1751 года, Георгій Конисскій въ 1752—55 гг., Манассія Максимовичъ въ 1755—58 гг., Давидъ Нащипскій въ 1758—61 гг. и Самуилъ Миславскій съ 1761 года. Такая частая смѣна ректоровъ Кіевской Академіи невыгодно отражалась на экономическомъ бытѣ Кіево-Братскаго монастыря и Академіи, такъ какъ, по замѣчанію Давида Нащипскаго, „въ новомъ государствѣ надобно три года изжить, чтобъ государство оное виrozumѣть“ ⁴⁾. Особенно тяжело было положеніе тѣхъ ректоровъ Академіи, которые не въ послѣдо-

¹⁾ См. выше.

²⁾ Акты, относящіеся къ исторіи Кіев. дух. Академіи, собраніе Д. Вишневецкимъ, въ библиотекѣ Музея при Кіев. дух. Академіи, муз. 817, № 39.

³⁾ „Акты Кіево-Братскаго училищнаго монастыря и Академіи“, В. Аскоченскаго, т. III, № 2, л. 13 и 14

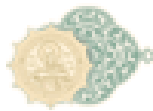
⁴⁾ Тамъ же т. II, № 21, л. 349 и сл.

вательномъ порядкѣ академическаго преподаванія достигли этой должности, а назначены были на нее уже съ епархіальной службѣ, какъ, напр., Сильвестръ Ляскоронскій, Марссія Максимовичъ и Давидъ Нащипскій. Имъ нужно было болѣе или менѣе продолжительное время для того, чтобы, по званію профессора, приготовиться къ чтенію лекцій по богословію¹⁾. Поэтому-то, можетъ быть, и въ научномъ отношеніи эти три ректора стоятъ ниже Георгія Конисскаго и Самуила Миславскаго, достигшихъ ректуры путемъ послѣдовательной, непрерывной службѣ при Академіи въ профессорскихъ должностяхъ. Самуилъ Миславскій, будучи еще префектомъ Академіи, въ 1758 году завязалъ даже ученую переписку съ тогдашнею знаменитостію, нѣмецкимъ профессоромъ философіи Христіаномъ Баумейстеромъ, который однажды отвѣтилъ ему такимъ комплиментомъ: „не думайте вы, что Бранденбургская Академія господина предостойнаго Академіи Кіевской префекта Самуила Мославскаго не знаетъ; я уповаю, и въ самомъ Парижѣ онъ почтенъ тѣмъ именемъ, которымъ украшается тамошнее Сорбонское училище“²⁾.

Учителя или профессора Академіи, по прежнему порядку, назначались преимущественно изъ монашествующихъ лицъ и обыкновенно начинали преподаваніе съ низшихъ классовъ, постепенно переходя, вмѣстѣ съ учениками, въ высшіе классы, пока, наконецъ, не встрѣчали препятствія къ дальнѣйшему повышенію по Академической службѣ въ высшихъ двухгодичныхъ и четырехгодичныхъ классахъ философіи и богословія; тогда они или задерживались въ одномъ классѣ на вторичный курсъ, или же выбывали изъ Академіи и поступали на другую службу. Но въ обозрѣваемый періодъ смѣна учителей Академіи происходила чаще, чѣмъ въ

¹⁾ Тамъ же, т. II, № 13, л. 254—5. Указн. книга Кіевской дух. Консисторіи за 1755 годъ, въ концѣ книги.

²⁾ Отрывки этой переписки въ русскомъ переводѣ, найдены В. О. Дур-дуковскимъ въ архивѣ Кіевской дух. Консисторіи.

прежнее время. Не говоря уже о томъ, что учителя Академіи перѣдко вызывались въ Московскую Академію ¹⁾, Сухопутный Шляхетскій Кадетскій Корпусъ ²⁾ и епархескія духовныя Семинаріи ³⁾, такая смѣна участилась въ виду того, что Кіевская Академія становится все болѣе епархіальнымъ учрежденіемъ и получаетъ не столько самостоятельное, сколько служебное значеніе въ епархіальной жизни. Кіевскій митрополитъ и Кіевская Консисторія перѣдко отрываютъ отъ Академіи учителей только потому, что они нужны для епархіальной службы, и, наоборотъ, назначаютъ въ Академію учителями лицъ, состоявшихъ дотошъ на епархіальной службѣ ⁴⁾. Возможность самостоятельно заниматься наукою почти отнималась, и учителя шести низшихъ классовъ Академіи теперь уже не составляютъ своихъ рукописныхъ учебниковъ и системъ и пробавляются лишь готовыми, и притомъ печатными учебниками и пособіями. Даже профессора высшихъ классовъ философіи и богословія иногда преподають свои предметы по печатнымъ руководствамъ, напр., философію—по Пурхоціо, Винклеру или Баумейстеру, а богословіе—по изснотѣданію православныя вѣры св. Іоанна Дамаскина ⁵⁾.

О студентахъ Кіевской Академіи этого времени мы далеко не имѣемъ такихъ подробныхъ и обстоятельныхъ свѣ-

¹⁾ Георгій Щербакскій въ 1753 г., Владиміръ Крыжановскій, переименованный въ Каллиграфа, и Иринея Братановскій въ 1754 г.

²⁾ Паркисъ Снявскій въ 1754 г., Тихонъ Якубовскій въ 1756 г., Іоилъ Блжковскій въ 1758 г.

³⁾ Напр., Герасій Эгурскій, назначенный въ 1753 году учителемъ во Владимірскую семинарію.

⁴⁾ Напр., въ 1758 г. опредѣленъ въ каедральныя проповѣдники, а въ 1759 году въ архидіаконы весьма полезный для Академіи учитель Сампсонъ Виницкій и назначенъ въ учителя изъ повѣтчиковъ каедральной канцеляріи Веніаминъ Ясноводскій. См. „Акты“, В. Аскоченскаго, т. II, № 24.

⁵⁾ См. о семъ выше.

дѣній, какія прежде имѣлись въ вѣдомостяхъ, представлявшихся въ Св. Синодѣ съ 1738 до 1745 года¹⁾. По собраніи въ 1745 – 6 годахъ подробныхъ свѣдѣній о духовно-учебныхъ русскихъ заведеніяхъ, именныя и перечневая вѣдомости о студентахъ Кіевской Академіи съ 1745 года, по видимому, перестали представляться въ Св. Синодѣ, и представленіе ихъ возобновилось только съ 1760-хъ годовъ въ виду возбужденнаго тогда вопроса объ учрежденіи штатовъ духовно-учебныхъ заведеній. Но изъ разныхъ отрывочныхъ свѣдѣній все таки можно видѣть, что общее число студентовъ Кіевской Академіи было весьма значительно и иногда простиралось свыше 1000 человекъ. Изъ присланныхъ съ 1760 по 1764 годъ въ Св. Синодѣ вѣдомостей видно, что въ Кіевской Академіи въ высшихъ классахъ, съ пійтики по богословіе, было 542 ученика, а въ низшихъ по синтаксису – 551 человекъ, всего же 1093 человека²⁾. По прежнему между студентами различались дѣти духовнаго происхожденія, разночинцы и заграничные, но количественное взаимоотношеніе этихъ группъ между собою значительно измѣнилось противъ прежняго. Въ 1755 году Высочайше учреждены были въ Москвѣ университетъ и двѣ гимназіи для ученія вышнимъ наукамъ дворянъ и разночинцевъ³⁾, и, кромѣ того, существовалъ еще академическій университетъ въ Петербургѣ при Академіи Наукъ. Сюда и стали поступать теперь дѣти зажиточной казацкой старшины и дворянъ, какъ, напр., съ 1754 года учились въ академическомъ университетѣ бывшіе воспитанники Кіевской Академіи Іаковъ и Феодоръ

¹⁾ См. „Акты и документы, относящіеся къ исторіи Кіевской Академіи“, серіи 2-я, т. I, ч. 2, Кіевъ, 1904 г

²⁾ Рукопись Кіево-Софійскаго собора, № 177, л. 33.

³⁾ Полное собраніе Законовъ Россійской Имперіи, т. XIV, № 10,346, стр. 284 и слѣд.

Козельскіе, Симеонъ Дѣвовичъ и Аѳанасій Лобyseвичъ¹⁾. Въ Московскомъ университетѣ окончилъ курсъ бывшій воспитанникъ Кіевской Академіи Николай Бантышъ-Каменскій. Инструкція Кіевской Академіи 1764 года говоритъ, что господскихъ дѣтей „выпѣ весьма малое число имѣется“²⁾. Дѣти разночинцевъ изъ низшихъ сословій, мѣщанскаго и козацкаго, и заграничные, судя по присяжнымъ спискамъ студентовъ Кіевской Академіи, поступали въ нее еще въ значительномъ количествѣ³⁾; но число дѣтей духовенства становилось все болѣе и болѣе. Тогда какъ прежде они составляли около одной трети общаго количества студентовъ Академіи, въ 1760 году дѣтей духовенства въ Кіевской Академіи училось 420, а разночинцевъ 575 человекъ⁴⁾. Число воспитанниковъ духовнаго происхожденія постепенно увеличивалось вслѣдствіе настойчивыхъ предписаній Кіевского епархіальнаго начальства не только объ отдачѣ дѣтей духовенства Кіевской епархіи въ Кіевскую Академію, подъ угрозой штрафа на родителей, но и о неувольненіи ихъ изъ Академіи до окончанія ими полнаго курса наукъ. Указомъ отъ 31 декабря 1754 года Кіевскій митрополитъ Тимоѳей Щербацкій предписалъ по своей епархіи, чтобы священнослужители обязательно отдавали сыновей своихъ для обученія въ Кіевскую Академію и не брали изъ нея до оконча-

¹⁾ „Одинъ изъ предшественниковъ Ив. Петр. Котлиревскаго въ украинской литературѣ XVIII в. Аѳ. Кирил. Лобyseвичъ“, П. И. Петрова, С.-Петербургъ, 1904 г., стр. 2.

²⁾ „Акты и документы, относящіеся къ исторіи Кіев. Академіи“, серія 2-я, т. 1, ч. 2, Кіевъ, 1904 г., стр. 431.

³⁾ „Палеографическій Изборникъ“, вып. 1, Кіевъ, 1899 г., №№ 67 и 68. Судя по значащемуся здѣсь *Власію* (а не Геласію) Миславскому, списокъ этотъ относится къ 1754—5 году.

⁴⁾ „Кіевская Академія съ половины XVIII в. до преобразованія ея въ 1819 г.“, В. Серебряникова, Кіевъ, 1897 г., стр. 202.

ніи богословія, а дочерей своихъ выдавали замужъ за учительныхъ людей, студентовъ богословія или, по крайней мѣрѣ, философіи, если желаютъ, чтобы зятевя ихъ были священниками ¹⁾. Кіевскій митрополитъ Арсеній Могилнскій резолюціею 4 апрѣля 1761 года приказалъ объявить въ Кіевской Академіи, „дабы вси, учащіеся въ ней въ надежду священства, а особливо 30 лѣтъ не имѣющіи, проходили ученіе даже до богословія“ включительно, съ предупрежденіемъ, что въ противномъ случаѣ они не получаютъ хорошихъ приходовъ ²⁾.

Во время ученія болѣе или менѣе состоятельные студенты жили въ своихъ домахъ или нанимали довольно приличныя квартиры со службами, имѣли своихъ служителей, и квартиры ихъ освобождены были отъ воинскихъ постоевъ, что въ 1754 году пытались-было своевольно нарушить сербскіе гусары ³⁾. Бѣднѣйшіе студенты содержались въ великой бурсѣ и въ малыхъ приходскихъ бурсахъ.

На содержаніе великой бурсы ежегодно отпускалось, вѣроятно, митрополичьей консольяціи, около 40 рублей, которые обыкновенно шли на покупку дровъ для отопленія бурсы и на мелочной ремонтъ ея зданія ⁴⁾, но, въ случаѣ экстренныхъ надобностей по ремонту бурсы, испрашивалось особое вспомошествованіе отъ митрополита ⁵⁾. На личное содержаніе бурсаковъ не отпускалось какихъ-либо опредѣленныхъ суммъ, но иногда дѣлались единовременныя пожертвованія отдѣль-

¹⁾ Изъ указанныхъ книгъ Кіево-Подольской Рождество-Предтеченской (Борисоглебской) церкви.

²⁾ Рукоп. Кіево Соф. собора, № 430, л. 145.

³⁾ Архивъ Кіевской дух. Консисторіи, 1754 г., по входящей книгѣ № 478.

⁴⁾ „Акты Кіево-Братскаго училищнаго монастыря и Академіи“, В. Аскоченскаго, т. III, № 1, л. 76; Акты, относящіеся къ Кіевской Академіи, собранные Д. Вишневецкимъ, рукоп. Церковно-Археологич. музея при Кіевской дух. Академіи, № 816, ч.

⁵⁾ Акты, В. Аскоченскаго, т. III, № 2, л. 13 и 14.

ными лицами. Еще въ 1744 году, въ бытность свою въ Кіевѣ, императрица Елизавета Петровна одновременно пожаловала на бурсу 1000 рублей, которые бережливо расходовались „то на подчинку бурсы, то на подѣлъ бурсакамъ, то на покупку грамматокъ греческихъ“ ¹⁾. Около 1758 года бывший воспитанникъ Кіевской Академіи Пларіонъ Григоровичъ, епископъ Сарскій и Подонскій, прислалъ на бурсу 100 рублей, которые расходовались на лѣченіе больныхъ студентовъ и на погребеніе умирающихъ. Деньги эти хранились въ студенческой конгрегаціонной церкви ²⁾ и къ 1762 году были уже всѣ израсходованы, вслѣдствіе чего 30 января 1762 года сеніоръ бурсы обратился къ митрополиту Арсенію Могилянскому съ просьбою о выдачѣ пособія на лѣченіе больныхъ бурсаковъ ³⁾.

Малыя бурсы находились при Кіевоподольскихъ приходскихъ церквахъ, которыя, давая помѣщеніе бѣднымъ студентамъ, иногда даже въ причетническихъ избахъ и совместно съ причетниками, удѣляли имъ, за услуги по церкви, нѣкоторыя крохи церковныхъ доходовъ и приносовъ ⁴⁾. Иногда комнаты для жилья бурсакамъ строились на церковно-приходскихъ усадьбахъ „студенскими трудами и стараніемъ“. Но жизнь бурсаковъ въ малыхъ церковно-приходскихъ бурсахъ нерѣдко отравлялась большими непріятностями отъ приходскихъ настоятелей и прихожанъ ⁵⁾.

Болѣе постояннымъ источникомъ содержанія для бѣдныхъ бурсаковъ были „спѣваніе“ подъ окнами Кіевскихъ жителей, съ цѣлію испрошенія милостыни, и такъ называе-

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Тамъ же, т. III, № 1, л. 10 и слѣд.

³⁾ Тамъ же, т. III, № 2, л. 13.

⁴⁾ „Акты и документы, относящіеся къ исторіи Кіевской Академіи“, серия 2-я, т. I, ч. 1, Кіевъ. 1904 г., № 50, стр. 258 и сл.

⁵⁾ „Акты, относящіеся къ Кіевской Академіи, собранные Д. Вишневскимъ, рукоп. муз. 817, № 19; см. „Кіев. Старину“, февраль, 1896 г., стр. 178 и сл.

мыя „эпетиціи“. Въ іюлѣ 1754 года бурсакъ Константинъ Ильницькій „по нуждѣ общей бурсацкой, какъ водится обыкновенно, въ вечеру девятого часа пошелъ для препитанія своего спѣвать въ приходъ Свято-Василіевскій“, но былъ схваченъ мѣстнымъ священникомъ Павломъ Лобко, какъ бродяга, и закованъ въ кандалы, за что префектъ Кіевской Академіи Давидъ Нанцинскій пожаловался на священника Лобко Кіевской духовной Консисторіи ¹⁾. Эпетиціи же состояли въ томъ, что бѣднымъ студентамъ въ началѣ мая, за два слишкомъ мѣсяца до окончанія учебнаго года, выдавались, по прежнему обычаю, паспорта „для испрошенія милосинны отъ dobroхотнодателей подаванія“ на продолженіе ученія въ Академіи. Хотя въ январѣ 1761 года митрополитъ Арсеній Могилянскій и предписалъ не отпускать священно- и церковно-служительскихъ дѣтей изъ Академіи „преждевременно до самихъ установленныхъ ваканцій“, но, въ виду древности обычая эпетицій и крайней его необходимости, въ маѣ того же года велѣлъ выдать 16-ти бѣднымъ студентамъ паспорта „для испрошенія милосинны“ и выдавать таковыя и на будущее время ²⁾. Иногда же, взаимѣнъ эпетиціи, бѣдные студенты нанимались на ваканціальное время въ работники къ частнымъ лицамъ ³⁾.

Нѣкоторые студенты Кіевской Академіи довершали свое образованіе за-границей. Въ 1759 году проживалъ въ Кіево-Софійскомъ монастырѣ іеромонахъ Давидъ Сухозагнѣтъ, который „въ нѣмецкихъ странахъ цѣлой курсъ философіи, такожде математики, медицины и нѣмецкого языка обучался“, но не слушалъ богословія ⁴⁾. Въ 1758 году префектъ Кіев-

¹⁾ Тамъ же, № 17.

²⁾ „Акты“, В. Аскоченскаго, т. II, № 30, л. 456 и 459.

³⁾ Акты, относящіеся къ Кіев. Академіи, собранные Д. Вишневскимъ, Муз. 817, № 18.

⁴⁾ Акты, В. Аскоченскаго, т. II, л. 265.

ской Академіи Самуилъ Миславскій рекомендовалъ профессору философіи Бранденбургской Академіи Христіану Баумейстеру своего ученика Хмелевскаго (Ив. Хмельницкаго), о которомъ Баумейстеръ въ отвѣтномъ письмѣ своемъ отзывался такъ: „достоинъ учитель такихъ учениковъ. Дай Богъ, чтобъ я щастливъ былъ такими учениками“¹⁾.

По окончаніи Академическаго курса, въ прежнее время студенты богословія и отчасти философіи большею частію принимали монашество и только немногіе поступали въ составъ бѣлаго духовенства, которое пополнялось или неокончившими полного курса академическаго образованія, или даже вовсе не учившимися въ Киевской Академіи²⁾. Но въ обозрѣваемый періодъ стремленіе студентовъ Академіи къ монашеству замѣтно ослабѣло. Когда Св. Синодъ указомъ своимъ отъ 6 апрѣля 1758 года потребовалъ реестра учителямъ и студентамъ Киевской Академіи, желающимъ монашества, то оказалось, что хотя всѣ учители были монашествующими лицами, но изъ студентовъ богословія и философіи никто не пожелалъ принять монашества³⁾. Такую рѣзкую перемену въ настроеніи студентовъ Киевской Академіи нужно объяснять высочайшимъ указомъ отъ 30 апрѣля 1754 года о томъ, чтобы въ архіереи и архимандриты назначались не одни малороссіяне, какъ было дотошъ, но и великороссіяне⁴⁾. Но все-таки кievскіе ученые продолжали еще повемногу поступать въ монахи, пользовались заслуженною традиціонною славою и предпочитались другимъ ученымъ монахамъ при

¹⁾ Изъ переписки Самуила Миславскаго съ профессоромъ Хр. Баумейстеромъ 1758 г., въ архивѣ Киевской дух. Консисторіи. Объ Ив. Хмельницкомъ см. „Обзоръ русской дух. литературы“, Филарета, 1884 г., стр. 353

²⁾ „Азны и документи. относящіеся къ исторіи Киевской Академіи“, серія 2-я, т. I, ч. 1, Київъ, 1904 г., № 9, и 7. 2, №№ 2 и 3.

³⁾ Указн. книга Киевской дух. Консисторіи за 1758 годъ, № 132

⁴⁾ Полное собраніе законовъ Россійской Имперіи, т. XIV, № 10, 16, стр. 58—9.

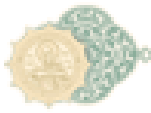
назначеніи въ учителя своей Кіевской и Московской Академіи и духовныхъ семинарій, въ Сухопутный Шляхетскій Кадетскій Корпусъ, въ настоятели къ русскимъ посольскимъ церквамъ, въ настоятели разныхъ монастырей и проч. Въ обозрѣваемый періодъ времени въ Кіевской епархіи открылись еще новыя мѣста для ученыхъ монаховъ вслѣдствіе распоряженія митрополита Арсенія Могилянскаго въ 1759-мъ году о томъ, чтобы учительные монахи назначаемы были къ сказыванію проповѣдей, по крайней мѣрѣ, въ важнѣйшихъ монастыряхъ¹⁾. Путемъ выслуги на разныхъ должностяхъ до 12-ти воспитанниковъ Кіевской Академіи этого періода получили впоследствіи епископскій санъ, каковы: Ириней Братановичъ или Братановскій, епископъ Вологодскій († 1796 г.); Лаврентій Барановичъ, епископъ Вятскій († 1796 г.); Самуиль Миславскій, митрополитъ Кіевскій († 1796 г.); Тихонъ Якубовичъ, епископъ Суздальскій († 1786 г.); Викторъ Садковскій, архіепископъ Черниговскій († 1803 г.); Варлаамъ Петровъ-Лавровскій, архіепископъ Тобольскій († 1802 г.); Кириллъ Флоринскій II, епископъ Сѣвскій и Брянскій († 1795 г.); Платонъ Любарскій, архіепископъ Екатеринославскій († 1811 г.); Теофигистъ Мочульскій, архіепископъ Бѣлоградскій († 1818 г.); Аггей Коловсовскій, епископъ Бѣлоградскій († 1792 г.), будто-бы Геронимъ Формаковскій, епископъ Владимірскій († 1783 г.)²⁾, и Христофоръ Сулима, епископъ Слободско-Украинскій († 1813 г.)³⁾.

Съ повышеніемъ образовательнаго ценза для блага духовенства и ограниченіемъ правъ малорусскаго ученаго

¹⁾ „Акта“, В. Аскоченскаго, т. II, л. 265.

²⁾ См. о нихъ „Кіевъ съ древнѣйшимъ его училищемъ Академіею“, В. Аскоченскаго, т. II, Кіевъ, 1856 г., по алфавитному указателю.

³⁾ „Христофоръ, первый епископъ Слободско-Украинскій и Харьковскій“, прот. Н. А. Лашенкова, Харьковъ, 1895 г.

монашества, и среди бѣлаго духовенства стали появляться люди ученые, знаменитые проповѣдники и видные церковно-общественные дѣятели, какъ, напр., протоіерей Константинъ Павловичъ Крыжановскій, Іоаннъ Леванда и Михаилъ Шванскій¹⁾. Слѣдовательно, общій уровень духовнаго образованія, не смотря на явные признаки приближавшагося упадка Кіевской Академіи, все-таки расширялся и поднимался въ Кіевской епархіи и вообще въ Малороссіи.

Н. Петровъ.

¹⁾ См. о нихъ „Обзоръ русской духовной литературы“, архіеп. Филарета Гумилевскаго, 3 изд., С.-Петербургъ, 1884 г., по алфавитному указателю.